

УДК 908(045)

МРНТИ 03.20

DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2026.102(2).17

¹Ережепова Р.Г.*, ²Тулешова Ш.П., ¹Өтесова Г.Е.

¹Каспийский университет технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова,
Актау, Казахстан

²Центр анализа и прогнозирования демографических процессов при АСПиР,
Астана, Казахстан

*Автор-корреспондент: rimma.erezhepova@yu.edu.kz

E-mail: rimma.erezhepova@yu.edu.kz, shinar-82@mail.ru, gulnar.otessova@yu.edu.kz

РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ НА ПОЛУОСТРОВЕ МАНГЫСТАУ В XIX–XX ВВ.

Аннотация. Научный акцент направлена на состояние религиозного образования на полуострове Мангышлак в конце XIX – начале XX века в контексте политики Российской империи. Основное внимание уделено традиционной системе религиозного образования, сложившейся в данном регионе, а также деятельности русско-туземных школ, открытых в рамках колониальной политики Российской империи.

В работе проводится анализ мер царской власти, направленных на ограничение и контроль мусульманства на казахских землях, приводятся фактические данные на основе архивных документов, в частности, материалов переписки канцелярии Закаспийской области.

Кроме того, рассматриваются мероприятия Российской империи, связанные с антиисламской политикой в Туркестанском и Оренбургском генерал-губернаторствах, а также во Внутренней Орде в 80-е годы XIX века, в сопоставлении с действиями в области религиозного образования в Закаспийском регионе.

В результате в статье представлены статистические данные по уездам и волостям о количестве, состоянии и составе учащихся мечетей-медресе, а также русско-туземных и еврейских школ, возникших на полуострове Мангышлак в конце XIX века.

Также в контексте религиозного образования рассматривается вопрос паломничества (хаджа) в Мангистауском регионе. Представленные в статье материалы наглядно демонстрируют стремление царского правительства к установлению ограничений и контроля в религиозной сфере на казахских землях.

Ключевые слова: полуостров Мангышлак; мечети и медресе; школы; религиозное образование; ислам; паломничество; религиозные ограничения; колониальная политика царизма; Закаспийское генерал-губернаторство.

Введение

Меры официальной антиисламской политики Российской империи условно подразделяются на два этапа.

Первый этап — первая половина XIX века — характеризуется выделением средств на распространение религиозной литературы и активным открытием мечетей и медресе, что способствовало дальнейшему укреплению ислама.

На втором этапе царское правительство, напротив, стало ограничивать распространение ислама, проводя политику русификации, направленную на христианизацию и ассимиляцию местного населения.

Со второй половины XIX века активно открываются русские школы, а религиозное образование берётся под строгий контроль. В 80–90-е годы XIX века усиливается процесс создания школ, призванных ускорить внедрение русской культуры на казахских землях и способствовать колонизации региона.

В Туркестане и Семиречье, являвшихся окраинными колониальными территориями Российской империи, первые русские школы начали открываться во второй половине XIX века в казачьих станицах и русских поселениях.

Так, в сведениях о начальном училище первого разряда в Александровском форте Закаспийской области за 1887 год отмечается: «Вновь открытое училище относится к разряду общественных начальных училищ Министерства народного просвещения. В отчетном году было выделено 10002 рубля, из них из казны — 1050 рублей, от общества — 952 рубля. В 1887 году из всей суммы поступило и израсходовано 1195 рублей. Училище размещается в неудобном здании и недостаточно обеспечено учебными пособиями. Средний объем воздуха в здании училища составляет 12,5 кубических единиц на одного ученика» [1, с. 167].

Русско-туземные школы рассматривались царским правительством как инструмент противодействия мусульманским учебным заведениям. Их создание было направлено на постепенное вытеснение мусульманских мектебов и медресе из повседневной жизни местного населения. Тем самым, посредством ослабления системы религиозного образования, предполагалось сдерживание её дальнейшего развития в обществе.

Практическая реализация данной политики нашла отражение в приказе Туркестанского генерал-губернатора, генерала кавалерии Самсонова № 844 от 1912 года «Об управлении учебными заведениями». В документе инспекторам и директорам народных училищ Сырдарьинской области и Туркестанского края предписывалось при открытии и функционировании туземных школ руководствоваться следующими положениями:

1. Открытие новых учебных заведений допускается исключительно с разрешения инспекции народных училищ.
2. В общеобразовательных школах предпочтение должно отдаваться назначению учителей из числа местного туземного населения, особенно в учебных заведениях с контингентом учащихся из местных жителей.
3. Учредителям школ в аулах и сельских поселениях предписывается обязательное введение государственного языка — русского языка.
4. При открытии учебных заведений от их организаторов требуется представление учебных программ с указанием преподаваемых дисциплин и используемых учебников.
5. С момента опубликования приказа все учебные заведения обязаны строго соблюдать его положения.

В документе также подчеркивалось: «Настоящий приказ подлежит доведению до сведения генералов всех областей края», при этом сам приказ был подписан с пометкой «секретно» [2, с. 26–27].

Ещё до издания данного приказа в письме начальника Закаспийской области от 8 августа 1908 года, адресованном инспектору народных училищ, отмечались следующие проблемы: отсутствие системного контроля над туземными школами, обусловленное как обширностью территории, так и кочевым образом жизни местного населения.

В результате учебные заведения нередко открывались и закрывались без разрешения администрации, аналогичным образом происходила и смена преподавательского состава. В документе подчеркивалось, что рост стремления казахского населения к образованию, в сочетании с увеличением числа учебных заведений и недостаточным уровнем контроля, может способствовать усилению религиозного фанатизма.

В связи с этим предлагалось установить специальный надзор за подобными учебными заведениями путём назначения представителя высшего туземного училища, лояльного российской власти, который должен был осуществлять контроль за образовательным процессом. При этом увеличение числа подобных школ в степи признавалось нежелательным явлением. Однако в условиях возрастающего спроса на образование отмечалось, что противодействие этому возможно лишь за счёт расширения сети русско-туземных школ.

Более того, в документе указывалось на готовность казахского населения направлять своих детей в единственное русско-туземное училище уезда, расположенное в Форт-Александровске (рисунок 1) [3, л. 15–16].

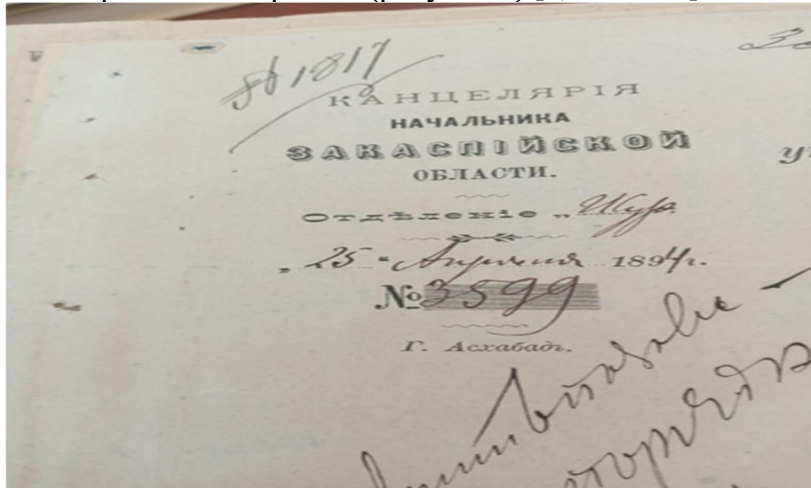

Рисунок 1 — Делопроизводственный документ канцелярии начальника Закаспийской области. 1894 г. Составлено автором на основе: [3, л. 15–16].

В данном разделе статьи рассматривается вопрос официального исповедания ислама казахским населением во второй половине XIX — начале XX века.

Известно, что до 1867–1888 годов казахи находились в подчинении Оренбургского магометанского духовного собрания. Однако, несмотря на отсутствие единого муфтия, население имело возможность избирать муллу на уровне каждой волости. При этом среди казахов встречались муллы, не обладавшие глубокими религиозными знаниями: многие из них получали образование самостоятельно, и лишь немногие обучались в медресе [4, с. 280].

Во второй половине XIX — начале XX века в степных районах Казахстана религиозная жизнь в целом формировалась в соответствии с нормами ислама. Вместе с тем религиозные обряды казахов сохраняли синкретический характер. Древние верования — шаманизм, тотемизм, анимизм, фетишизм — были тесно переплетены с исламскими представлениями. В этой связи Ш. Уалиханов в своем труде «О мусульманстве в степи» отмечал: «Мусульманство еще не проникло в нашу плоть и кровь. Под влиянием татарских мулл, среднеазиатских ишанов и проповедников нового учения наш народ постепенно принимает мусульманский облик» [5, с. 197].

Актуальность исследования заключается в том, что во второй половине XIX века политика Российской империи в Центральной Азии была направлена не только на экономическое подчинение региона, но и на разрушение традиционной исламской цивилизации и его цивилизационную трансформацию в рамках политики русификации. Одной из ключевых задач колониальной администрации являлось осуществление мер по русификации и христианизации местного населения. В результате казахи, как и другие тюрко-мусульманские народы, находившиеся в составе Российской империи, подвергались духовному давлению. Царская власть стремилась подавить национальное самосознание и государственные основы, реализуя колониальные интересы, в том числе через систему образования.

Материалы и методы исследования

В исследовании религиозного образования в Мангистауском регионе конца XIX — начала XX века применён метод анализа, основанный на использовании комплексных архивных и библиографических материалов.

Для раскрытия политики Российской империи в отношении ислама на казахских землях использовались сравнительно-исторический и аналитический методы, позволившие проанализировать и сопоставить колониальные меры, проводимые в различных генерал-губернаторствах.

Состояние религиозного образования в рассматриваемый период исследуется на основе архивных документов, собранных в фондах Мангистауской области. На основе этих материалов проводится анализ статистических данных о медресе и мектебах, функционировавших в регионе. Особое значение имеют сведения о локализации учебных заведений (в каких аулах они располагались и в какие периоды действовали), а также данные о религиозно образованных лицах, осуществлявших в них преподавательскую деятельность.

Вопросы, связанные с деятельностью религиозных учебных заведений, мечетей и медресе в Закаспийской области в период позднего XIX — начала XX века, их численностью и состоянием, а также мерами контроля и ограничениями со стороны царской администрации, были выявлены на основе архивных материалов. В частности, использованы рукописи архивиста З. Ижанова, подготовленные на основе документов Центрального государственного архива Республики Казахстан, его публикации разных лет, а также переводы архивных документов с арабской графики и их копии, хранящиеся в личном фонде в Государственном архиве Мангистауской области.

На основе анализа и сравнительного метода данных архивных источников установлены сведения о паломничестве (хадже) среди казахского населения Закаспийской области Мангистауского полуострова, количестве паломников, порядке оформления поездок и ограничениях, вводимых российскими властями. Кроме того, проведён сравнительный анализ секретной переписки и письменных донесений между канцелярией Закаспийской области и волостными, уездными органами управления.

Сведения о количестве функционировавших в рассматриваемый период мечетей и медресе в регионе зафиксированы в архивных документах, составленных в период правления Российской империи.

Особое значение среди исследовательских материалов имеют данные о количестве мектебов и медресе в Мангистауском регионе, их роли в общественной жизни, уровне функционирования, а также сведения о преподавательском составе. Информация о количестве школ и медресе, численности и составе учащихся в уездах Закаспийской области конца XIX — начала XX века дополнена статистическими

данными по аулам и родовым подразделениям, хранящимися в архивах Мангистауской области.

Архивные документы также содержат сведения о распространении на казахских землях печатных изданий Корана и других религиозных книг, привозимых из Турции, Бухары и Египта.

Анализируя роль и значение мечетей и медресе, функционировавших в Мангистауском регионе в конце XIX — начале XX века, следует отметить, что их состояние и деятельность отражены в статистических материалах архивных фондов, что позволяет дать объективную характеристику их функционирования.

Наряду с архивными источниками использованы также этнографические устные данные о деятельности мечетей и медресе на уровне волостей и уездов. Вместе с тем следует отметить, что сведения по рассматриваемому периоду носят фрагментарный характер, поскольку часть документов относится к другим административным единицам.

Начиная со второй половины XIX века царское правительство пересматривает свою политику в отношении распространения ислама и религиозного образования на казахских землях. Было осознано, что привлечение татарских мулл к сфере народного просвещения не приводит к ожидаемым результатам русификации.

Одним из первых проявлений государственной политики в сфере образования стало открытие в 1844 году казахской школы при Оренбургской пограничной комиссии. В данном учебном заведении обучающимся прививалось представление о «цивилизационной направленности» образования. Основными задачами школы являлись подготовка переводчиков и ведение делопроизводства на русском языке, что ставилось в качестве приоритетной цели перед казахскими учебными заведениями.

Согласно «Временному положению об управлении степными областями Оренбургского генерал-губернаторства» от 21 октября 1868 года: «С 1789 года духовные дела киргизов (казахов) были переданы из ведения Оренбургского духовного собрания в гражданское управление. Для обучения местного населения и открытия школ при мечетях муллы обязаны получать разрешение уездного начальника. Школы при мечетях должны содержаться за счёт киргизских (казахских) обществ и функционировать на добровольной основе» [6, с. 461]. Во Внутренней Орде в 1872 году функционировало 154 мусульманских школы, в которых ежегодно обучалось 3821 учащийся. Подобные религиозные учреждения не только обучали письму на арабской графике, но и способствовали заучиванию Корана, а также формированию элементарной грамотности на основе арабского письма. Несмотря на широкое распространение таких школ в казахской степи, к концу XIX века казахское население стало всё чаще отдавать своих детей в русско-туземные школы.

В 1886 году в Мангистауском уезде при 22 действующих мечетях функционировали медресе. При этом царские чиновники признавали, что фактическое число медресе могло быть значительно выше, однако из-за удалённости территории точные данные установить не представлялось возможным. В указанных медресе преподавали 22 учителя и обучалось 145 учащихся, из которых 8 составляли девочки.

Согласно данным за 1892 год, в уезде действовало уже 34 медресе, из них: в Мангистауском волостном управлении — 5, в 1-м Бозашинском — 2, во 2-м Бозашинском — 9, в Райымбердинском — 4, в Турикпенадайском — 7, в Жеменейском — 3, в Туркменском — 4. По Тупкараганскому волостному управлению сведения отсутствуют. В указанных учебных заведениях обучалось 322 мальчика и 170 девочек.

При этом численность учащихся представлена не полностью: в частности, отсутствуют данные по Тупкараганской, Бозашинской и Жеменейской волостям. Это позволяет предположить, что общее число учащихся было значительно выше, причём обращает на себя внимание относительно высокая доля девочек среди обучающихся [1, с. 169].

Рост числа паломников в конце XIX — начале XX века оказал существенное влияние на развитие религиозного сознания казахского общества.

В исследованиях тюрколога В.В. Радлова отмечается, что «распространение религиозной литературы среди мусульман, а также развитие образования и науки в среде мусульман Центральной Азии непосредственно связано с паломничеством», при этом подчёркивается связь широко распространённых устных этнографических форм творчества казахов с исламскими представлениями [7, с. 312].

Если ранее выполнение религиозных обязанностей ограничивалось пятикратной молитвой, соблюдением поста и выплатой закята, то с развитием института хаджа казахское население стало стремиться к более глубокому осмыслению содержания Корана. Через паломников происходило знакомство с культурой других стран, маршрутами передвижения и морскими путями.

Паломники не только распространяли знания о священных местах Мекки и Медины и совершении хаджа к Каабе, но и считали своей обязанностью заниматься религиозно-просветительской деятельностью, обучением и распространением грамотности среди населения. Проводы паломников всей общиной с благословением (бата) и пожеланиями благополучного возвращения являлись важной частью казахской традиции.

По возвращении паломники способствовали формированию нового мировоззрения, занимались обучением населения грамоте, распространением знаний и развитием образования на основе исламских ценностей. Известно, что паломники инициировали строительство 171 мечети на территории казахской степи, при которых функционировали школы и медресе.

Таким образом, паломничество способствовало развитию образования и просвещения, ознаменовав начало нового этапа в духовной жизни казахского общества. Усиливались также связи между мусульманской интеллигенцией, в том числе через паломнические маршруты. Паломники привозили из мусульманских стран Коран и другие религиозные книги, которые использовались в образовательных и просветительских целях, способствуя развитию духовного потенциала общества.

Архивные документы содержат сведения о том, что издания Корана и другие религиозные книги завозились на казахские земли из Турции, стран Средней Азии и Египта и распространялись среди населения [8, с. 171].

В конце XIX века власти начали вводить ограничения на совершение паломничества из различных регионов Казахстана. Впоследствии регулирование хаджа было передано в ведение губернаторов и местной администрации.

Так, в объяснительной записке от 29 июля 1880 года начальник Тургайской области П. Сунуров отмечал: «Число желающих совершить паломничество среди киргизов (казахов) ежегодно возрастает по сравнению с прежними годами. Увеличению числа паломников способствует распространение сведений о быстроте, удобстве и относительной дешевизне данного пути. В большинстве случаев паломничество совершают состоятельные лица, при этом ни один из них не остаётся за границей» [8, с. 166].

В архивных источниках зафиксированы сведения о поступлении на территорию казахских земель изданий Корана и образцов религиозной литературы из Турции, Бухары и Египта, которые затем распространялись среди местного населения. Привоз паломниками религиозных книг и печатных изданий из мусульманских стран, а также их последующее использование в целях религиозного обучения вызывали обеспокоенность со стороны царской администрации.

В документах Оренбургского генерал-губернаторства отмечается, что лица, возвращавшиеся из паломничества, по мнению властей, нередко демонстрировали признаки религиозного фанатизма и, помимо рассказов о хадже, занимались распространением пропагандистских идей. В этой связи российская администрация также осуществляла контроль за оборотом религиозной учебной литературы, включая издания на татарском языке. Издание книг было возможно исключительно при наличии официального разрешения со стороны властей [8, с.171].

В одном из рапортов начальника уезда от 9 мая 1903 года в канцелярию начальника Закаспийской области отмечается: «В соответствии с отношением №5771 от 18 апреля текущего года сообщаю, что в вверенном мне уезде в Мекку отправились четыре киргиза, при этом нарушений установленных правил паломничества не выявлено. Паломники следовали через Батум, а по возвращении прошли карантинный контроль; в их заграничных паспортах были проставлены соответствующие отметки. Случаев нелегального паломничества не установлено» [1, с.196].

Стремясь к комплексному изучению влияния мусульманских образовательных учреждений на местное население, царская администрация Туркестанского края в конце XIX века приступила к систематическому сбору информации о деятельности религиозных учебных заведений. Данный процесс активизировался после восстания 1898 года в Андижане, которое стало одним из ключевых факторов усиления административного контроля.

Для выяснения причин восстания была создана специальная правительственная комиссия. В этом контексте Туркестанский генерал-губернатор С. М. Духовской принимал активное участие в реализации карательных и следственных мероприятий.

Согласно сведениям М. Шокая, после подавления восстания он организовал собрание религиозных авторитетов Андижана и применил в отношении них меры публичного унижения [9, с.120–121].

Практика административного надзора за мусульманскими учебными заведениями, внедренная в Туркестанском генерал-губернаторстве, была продолжена и в Закаспийской области. Это подтверждается копией предписания, направленного 9 марта 1904 года из канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, в котором содержалось требование усилить наблюдение за возвращающимися из Мекки паломниками и предотвратить распространение ими «вредных слухов», связанных с событиями на Дальнем Востоке. Кроме того, запрашивались ежегодные сведения о количестве лиц, совершивших хадж за последние два года [12, с.196].

Следует отметить, что контроль за религиозной сферой осуществлялся не только на уровне Туркестанского генерал-губернаторства, но и посредством межрегиональной координации между различными административными структурами Российской империи, что свидетельствует о системном характере политики надзора за мусульманским населением. В ответ на указанное предписание подполковник Стржалковский 7 апреля 1904 года направил в канцелярию начальника Закаспийской области рапорт с грифом «секретно», в котором сообщалось: «В соответствии с

отношением №212 от 31 марта 1904 года довожу до сведения, что из вверенного мне уезда в Мекку совершили паломничество: в 1903 году — 4 человека, в текущем году — 15 человек. Представление данной информации считаю исполнением служебного долга» [12, с.196].

В период 1900–1911 гг. жители Мангышлакской, Бозащинской и Тупкараганской волостей обращались к уездным начальникам с просьбами о выдаче документов и удостоверений, необходимых для выезда за границу с целью совершения паломничества в Мекку. Одним из таких документов является прошение жителя аула Энет, Райымбердинской волости Усен Исениязова от 15 апреля 1910 года, в котором он отмечал: «В связи с тем, что я намеревался отправиться в Мекку 15 сентября, однако оформление заграничных документов было задержано и мне создавались препятствия при их получении, прошу разрешить мне получение необходимых документов в пути, в Севастополе, с разрешения начальника области. Во избежание препятствий со стороны различных общественных и должностных лиц, предъявляю удостоверение дежурного управления». В ответ на данное обращение 21 декабря 1910 года уездный начальник, подполковник, выдал разрешение следующего содержания: «Киргизу Усену Есениязову, жителю аула Энет, Райымбердинской волости Мангышлакского уезда Закаспийской области, выдается разрешение на совершение паломничества в Мекку. Со стороны Мангышлакского уезда препятствий не имеется, что подтверждается соответствующими документами и приложениями» [10, л. 24]. Аналогичные прошения за 1910 год сохранились в архивных материалах [10, л. 22–23].

Однако, согласно секретной переписке, поступавшей из канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства, известно, что и на территории Закаспийской области паломники, возвращавшиеся из хаджа, находились под постоянным контролем администрации.

В качестве примера можно привести письмо №3110 от 15 апреля 1910 года, направленное исполняющим обязанности уездного начальника, подполковником (имя не указано), управляющему I-Бозащинской волостью, в котором содержалось требование: «Прошу Вас провести тщательную проверку имущества киргиза Джунусжанова из аула Тоқабай I-Мангышлакской волости и сообщить мне о результатах проведенной проверки» [10, л. 19–21].

Начиная со второй половины XIX века на территории казахских земель активно открывались русские школы, при этом деятельность в сфере религиозного образования находилась под усиленным административным контролем. В 1880–1890-х гг. процесс внедрения русской культуры и ускорения колониальной политики посредством школьного образования значительно активизировался.

Подводя итоги по данным архивным материалам, была предпринята попытка раскрыть политику Российской империи в отношении ислама в казахской степи посредством сравнительно-исторического и аналитического методов, а также путем анализа и сопоставления колониальных мер, проводившихся в различных генерал-губернаторствах.

Результаты исследования

Согласно данным за 1886 год, в Мангышлакском уезде при 22 мечетях функционировали медресе. Однако представители царской администрации отмечали, что фактическое количество медресе могло быть значительно больше, но в связи с удалённостью территории точный учёт не представлялся возможным. В отчётах

начальника области указывалось: «В Форт-Александровске имеется 1 училище, в Николаевской станице — 1 приходская школа.

Кроме того, существует множество медресе, точное количество которых, как и число обучающихся, установить невозможно, поскольку они функционируют преимущественно в зимний период и их численность зависит от кочевого движения киргизов и туркмен. Учащимися в этих медресе являются муллы, выходцы преимущественно из Уральской области и Хивинских границ. Еврейские школы в уезде отсутствуют. Всего насчитывается 22 преподавателя и 145 учащихся, из них 8 девочек» [12, с.169].

Согласно данным за 1892 год, в уезде функционировало 34 медресе (в Мангышлакской волости — 5, в I-Бозашинской — 2, во II-Бозашинской — 9, в Райымбердинской — 4, в Түркпенадайской — 7, в Жеменейской — 3, в Түркменской — 4, по Тупкараганской волости сведения отсутствуют). В них обучались 322 мальчика и 170 девочек. Следует отметить, что данные являются неполными, поскольку по ряду волостей (Тупкараганской, II-Бозашинской, Жеменейской) сведения об учащихся отсутствуют. Это позволяет предположить, что реальное количество учащихся было значительно выше, при этом обращает на себя внимание относительно высокая доля девочек среди обучающихся.

В 1909 году только в одной Түркпенадайской волости функционировали 7 медресе и 9 школ. В частности, в ауле Бали-ата действовали 2 медресе и 2 школы, в Жаманадае — 1 медресе и 2 школы, в Танат-Шалбаре — 1 медресе и 1 школа, в Танирбергене — 1 медресе и 1 школа, в Караше — 2 медресе и 1 школа, в аулах Бегей и Байдаулет — по одной школе. При этом из ряда населённых пунктов (Кудайберген, Кунанорыс-1, Кунанорыс-2) сведения получены не были.

Аналогично, в документах за 1907 год по Бозашинской волости (аулы Кеще, Меңдібай, Жетімек, Ырсалы, Дәулеталы, Игілік) данные отсутствуют [табл. 3]. В ауле Ескелді функционировали 5 школ, в которых обучались 200 учащихся, а также 1 медресе с 20 учениками [11, л.19].

В том же году во II-Бозашинской волости функционировали 4 медресе и 6 школ. В частности, в аулах Тастемир-1, Тастемир-2 и Токтамыс действовали по одному медресе и по одной школе. В ауле Кудайберген функционировало 1 медресе, а в аулах Бектемис-1, Бектемис-2 и Майлан — по одной школе. Сведения по аулам Базар и Шотан отсутствуют [11, л.19].

В энциклопедии «Мангистау» приводятся сведения о том, что в период 1870–1896 гг. на территории региона функционировало около тридцати мусульманских школ, ежегодно которые завершали обучение порядка 300 учащихся [13, с.116].

В аулах I-Мангышлакской волости функционировали по одной школе в каждом населенном пункте, при этом общее число учащихся составляло 88 человек. Среди них грамотными являлись только мужчины, тогда как сведения о женском образовании в источниках отсутствуют. Грамотные мужчины составляли 16 человек, а среди детей обучались 59 человек. В волости также действовали 8 медресе, в которых работали 8 преподавателей. Данные о выпускниках курсов отсутствуют.

В рапорте от 30 декабря 1887 года, направленном управителем I-Бозашинской волости Т. Есенжановым в Мангышлакское уездное управление, отмечалось: «В вверенной мне волости имеются медресе: первое принадлежит мулле Китару Тындамасову, второе — киргизскому мулле Сарсену Тындамасову, проживающему в местности Булыт. В этих медресе обучение проводится исключительно в зимний

период, контингент учащихся составляет мальчиков в возрасте 7–20 лет численностью 10–15 человек. Обучение включает начальную грамотность, Закон Божий, а также чтение и письмо на арабском языке. Другие дисциплины не преподаются. Кроме указанных киргизов, имеются и другие лица, получившие разрешение на открытие медресе, однако они пока не приступили к деятельности» [1, с.170].

Данные материалы свидетельствуют о том, что на территории Мангышлакского полуострова в период царского правления не существовало прямых запретов на открытие религиозных учебных заведений и получение детьми религиозного образования, однако их деятельность находилась под постоянным контролем административных органов. В архивных документах за 1907–1911 гг. прослеживается система отчетности и надзора за деятельностью религиозных учреждений со стороны царской администрации.

Как следует из копии переписки Туркестанского генерал-губернаторства, в Закаспийской области религиозный вопрос находился под особым контролем властей. Это подтверждается письмом капитана Рукина от 7 сентября 1908 года №238, направленным в областную канцелярию, в котором запрашивались следующие сведения:

1. Количество мечетей (больших и малых);
2. Количество школ и медресе, а также число обучающихся в них;
3. Состав духовенства, их статус, место получения образования и принадлежность к

сектам; Наличие монашеских общин и степень их влияния;

Материальное положение мечетей, школ и духовных лиц:

1. наличие и объем финансовых средств, их хранение и порядок расходования;
2. вакуфные имущества, их доходы и расходование;
3. размеры материального обеспечения религиозных деятелей и преподавателей;
4. Численность паломников за последние три года и наличие фактов распространения ими

«нежелательных проповедей» по возвращении.

Данная информация запрашивалась по каждому уезду отдельно. В завершение документа Рукин подчеркивал необходимость предоставления сведений о мусульманском населении Закаспийской области [10, л.20].

Согласно рассматриваемому документу, исполняющий обязанности начальника Мангышлакского уезда подполковник Михайлов в секретном информационном письме №14989 от 17 октября 1908 года сообщал:

1. В уезде имеется 2 мечети (малые).
2. Функционируют 25 медресе с 25 преподавателями и 460 учащимися, а также 42 школы с 42 преподавателями и 547 учащимися.
3. Обучение детей осуществляется муллами как в мечетях, так и в медресе и школах. Из них лишь один получил образование в Астраханском духовном мусульманском училище, остальные 68 не имели специального образования. Все они принадлежат к суннитскому направлению.
4. Монашеские общины в уезде отсутствуют.
5. Мечети, медресе и духовные лица не обладают недвижимым имуществом и капиталом. Все муллы получают оплату исключительно за преподавание религиозных дисциплин и обучение детей, иных видов вознаграждения не имеют.

6. В 1905 году в Мекку совершили паломничество 10 человек, однако за последние два года паломничество отсутствовало. Вернувшиеся из Мекки не вели проповеднической деятельности среди местного населения и не пользовались особым авторитетом [10, л.21].

Таким образом, административные органы царской власти в период 1907–1912 гг. осуществляли систематический контроль за численностью учащихся и преподавателей мусульманских религиозных школ в уездном разрезе. В рассматриваемый период в архивных документах часто фиксируются имена религиозно образованных лиц, выполнявших функции преподавателей в медресе и школах. Так, в 1887 году в медресе Тушикудук преподавал Айдар Шейх Исламов, в Саздинском медресе — Нурнияз Тулепбергенов, в местности Баскудык Тупкараганской волости — мулла Бердықожа Мамухамедов, в местности Тарталы — ишан Байтлеу Утеулиев, в Шетпе (I-Бозашинская волость) — Китар Таттыкадамов, в Булыше — мулла Сарсен Тындамасов, в Тасорпе — Кабвел Мантыков, в Бесбулаке (II-Бозашы) — Кулмамбет Нурымов, в Шеби́ре — Толеу Султангелдиев, в местности Чотак — Жанузак Есенгелдиев, в Жармыше — Орынбай Қалдыаманов, в Иткелде — Кылышнйаз Алтынбек, в Кежи-Каламкасе — Тилеке Үсенов, в Мангышлакской волости в Сумсе — мулла Таймас, в Актюбе — Аққулы Түркестанов, в Жарме — Якуп Кошақанов, в Қойлане — мулла Сейтмагамбет, в Шоңе — Құрманали, в Жыңғылды — Есқали Бимамбетов, в Акпане — мулла Есенбай, в Қаражаре — Тулей Кудайбергенов обучали детей.

Согласно данным за 1909 год, в медресе аула Утегул преподавал Амзе Шалабаев (1864 г.р.), в Қаржау — Исанберди Шагиров (1844 г.р.), в Токабай — Қожагул Сейтмухамедов (1864 г.р.). Муллой аула Сүграли-Жадигер являлся 28-летний Абдикерим Аскаров; его медресе было расположено в Жармыше и функционировало за счёт личных средств Аскара Махамбетова в течение 8 лет (размер здания — 30 аршин).

26-летний мулла Ирисмагамбет Турмағамбетов преподавал в местности Қызылсу; медресе также содержалось за счёт частных средств Турмағамбета Кадылова в течение 6 лет (размер здания — 33 аршина).

В Жармыше также функционировала мечеть, построенная около 20 лет назад казахом аула Ескелди — Орынбаем Қалдыамановым. Здание состояло из трёх помещений: одно предназначалось для молитвы, второе — для занятий, третье — для проживания самого основателя. О. Қалдыаманов (69 лет) получил начальное образование в уезде, затем обучался в старом Ургениш и имел степень «Мухтасар».

В 1909 году в ауле Боккара функционировали две школы: в одной преподавал 20-летний Отаргали Оскенбаев (5 лет стажа), во второй — 20-летний Изтурған Қоганов (3 года стажа). В аулах Байбоз действовали две школы, где преподавали 28-летний Канат Мамбетжанов и Алтыбай Телібаев (8 и 5 лет педагогического стажа соответственно).

В Сүграли-Жәдигер преподавали Избасар Қалилаев (33 года), Хамза Байдаулетов (40 лет), Нур Оспанов (45 лет), в Корпе — Шудабай Мурынов (40 лет), в Сарыболате — Қыдырқожа Оразалиев (45 лет), в Байболе — Тегисбай Даримұратов (43 года), которые занимались обучением детей на протяжении 10 лет. Кроме того, Жетимек Бобенбиев (53 года) в ауле Батыр и Жалгасбай Байтеберов (42 года) в Сегизбае осуществляли преподавательскую деятельность в течение 12 лет [14].

Издrevле пути получения образования у населения развивались преимущественно в рамках исламской религиозной традиции, и уровень грамотности

определялся именно через религиозное обучение. В Мангистауском регионе распространению ислама способствовали особенности расселения, а также наличие подземных мечетей и колодцев, которые создавали благоприятные условия для развития религиозной жизни.

Наряду с другими регионами казахской степи, первыми образовательными центрами в данном крае являлись начальные мусульманские школы и медресе. Первоначально учащиеся получали образование в местных учебных заведениях, после чего продолжали обучение в крупных религиозных центрах Средней Азии, а также в таких городах, как Оренбург, Уфа и Казань. По завершении обучения многие из них возвращались в родные аулы и открывали собственные школы и медресе, занимаясь обучением новых поколений. Данный процесс носил устойчивый характер и сохранялся вплоть до начала XX века.

На протяжении длительного времени в научной и общественной среде формировались критические взгляды относительно эффективности мусульманских школ и медресе. Однако религиозное образование сыграло значительную роль в повышении уровня грамотности казахского населения и стало неотъемлемой частью традиционной культуры общества. Именно на основе данной системы формировалась значительная часть образованной казахской интеллигенции того периода. Так, в Мангышлакском уезде функционировало 64 мусульманские школы, в которых обучались 1003 ученика [15].

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что начиная с XIX века колониальная политика Российской империи, направленная на ускоренное освоение отдалённых регионов, охватывала также социально-политическую сферу и неизбежно приводила к трансформации традиционной религиозной системы казахского общества. Уже в 1820-х гг. колониальная политика России усилилась во всех регионах казахской степи — западных, восточных и северных.

Наряду с ликвидацией ханской власти была поставлена задача коренной трансформации общественного устройства, включая планомерное изменение системы образования. Одним из ключевых инструментов данной политики стало внедрение русских школ с целью вытеснения традиционных мусульманских учебных заведений и русификации местного населения. Опасаясь возможной антиколониальной активности мусульманских школ, царская администрация установила над ними строгий контроль, постепенно закрывая их и заменяя сетью русских учебных заведений.

Кроме того, посредством создания русских школ планировалась подготовка административных кадров и специалистов-переводчиков из числа местного населения, способных служить интересам имперской власти.

Следует подчеркнуть, что системный анализ всех мероприятий царской администрации, направленных на ограничение исламского влияния в казахской степи, является сложной задачей ввиду их масштабности и многоуровневого характера.

Во второй половине XIX века, завершив процесс колониального освоения казахских земель, царское правительство пришло к выводу, что ограничение влияния ислама среди местного населения возможно прежде всего через регулирование и контроль системы мусульманского образования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ижанов З. Мангышлак 1847–1920 гг.: сборник архивных документов. 2-е изд. Алматы: Өлке, 2016.
- [2] Государственный архив Мангистауской области. Ф. 475, оп. 1, д. 22. л. 19–21, 22–24, 26–27. (Документы о истории Мангистау, полученные из Центрального государственного архива Республики Казахстан. 1900–1911 гг.)
- [3] Государственный архив Мангистауской области. ф. 475. оп. 1. д. 18. л. 15–16.
(Документы о природных богатствах Мангышлака (реки, озёра, растительность), геологических исследованиях проф. Н.И. Андрусова, а также сведения о населении, школах и мечетях. 1907–1910 гг.)
- [4] Садвокасова З.Т., Жанаев Б.Т., Сатенова М.Р., Оразов Р.Е., Рустемов С.К. Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX – начало XX вв.). Сборник документов и материалов. 2021. — 461 с.
- [5] Валиханов Ч. Избранное. Алматы: Жазушы, 1985. —197с.
- [6] Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX–начало XX веков). Сборник документов и материалов / Сост. З.Т. Садвокасова, Б.Т. Жанаев, М.Р. Сатенова, Р.Е. Оразов, С.К. Рустемов. – Алматы, Литера-М, 2021. — 461с.
- [7] Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. Пер. с нем. К.Д. Цивиной, Б.Е. Чистовой. Москва: Наука, 1989. — 312с.
- [8] Сабырғалиева Н.Б. Қазақстанның батыс өңірлеріндегі дәстүрлі ислам өкілдерінің рухани ағартушылық қызметі (XIX ғ. екінші жартысы – XX ғ. басы): диссертация на соискание степени PhD. Алматы, 2022. —162 с.
- [9] Чокай М. Тернистая история Туркестана. Алматы: Жалын, 1992. .— 120-121с.
- [10] Государственный архив Мангистауской области. Документы о истории Мангистау, полученные из Центрального государственного архива Республики Казахстан. 1900–1911 гг. ф. 475. оп. 1. Д. 22. л. 19–21, 22–24, 26–27.
- [11] Государственный архив Мангистауской области. ф. 475, оп. 1, д. 18, л. 15–16.
(Документы о природных богатствах Мангышлака (реки, озёра, растительность), геологических исследованиях проф. Н.И. Андрусова, а также сведения о населении, школах и мечетях. 1907–1910 гг.)
- [12] Ижанов З. Мангышлак 1847–1920 гг.: сборник архивных документов. 2-е изд. Алматы: Өлке, 2016.
- [13] Энциклопедия «Маңғыстау». Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2008. - 632 с.
- [14] Интервью с А. Еділхан, краевед, архивист, меценат (г. Актау).
- [15] Интервью с О.Д. Табылдиевой, к.и.н., доцент (г. Актау).

REFERENCES

- [1] Z. İjanov. Mangyşlak 1847-1920g.g. sbornik arhivnyh dokumentov. / Z. İjanov -2 zdanie. Almaty: Ölke. [in Russian]
- [2] Mañğystau oblystyq memlekettik mūrağaty. № 475 qor. 1 tızımdeme. 22- ı. 19-21paraq. 22-24paraq. 26-27 paraq. [in Kazakh]
- [3] Mañğystau oblystyq memlekettik mūrağaty. № 475 qor. 1 tızımdeme. 18- ı. 15-16 paraq. (Mañğyşlaqtyñ tabiğı bailyqtary turaly (özen-kölderı, ösımdıgı), prof.N.İ.

Andrusovtyñ geologialyq zertteuleri boıynsha esebı, halqy, mektepter, meşıtter turaly qújattar. 1907-1910j.j.) [in Kazakh].

[4] Sost. Z.T. Sadvokasova, B.T. Janaev, M.R. Satenova, R.E. Orazov, S.K. Rustemov. (2021) // Musülmanskıe i pravoslavnye misionery v Kazahstane: deiatelnöst i rezültaty (XIX–nachalo XX vekov). Sbornik dokumentov i materialov. –S. 461. [in Russian].

[5] Ş. Uälihanov. Tañdamaly. [Selected Works]. Almaty: Jazuşy. 1985. – 197b. [in Kazakh].

[6] Avt.kolektiv: Z.T. Sadvokasova, O.H. Mūhatova, S.K. Rüstemov, A.S. Margulan, B.B. Burhanov // Qazaqstandağy mūsylman jāne pravoslavie misionerleri: qyzmeti men nätijeleri (XIX – XX ğğ. basy). Monografia. Almaty: 2022. – S. 461. [in Kazakh].

[7] V.V. Radlov. / İz Sibiri. Stranisy dnevnika. Perevod s nemeskogo K.D. Sivinoi i B.E. Chistovoi. Moskva: Nauka.1989. –S. 312 [in Russian].

[8] Sabyrğalieva N.B. Qazaqstannyñ batys öñirlerindeğı dästürlı islam ökılderiniñ ruhani ağırtuşılyq qyzmeti (XIXğ.ekınşı jartysy-XXğ.basy). / Filosofia doktory (PhD) дәrejesin alu üşin daiyndalğan disertasia./Sabyrğalieva Nazgöl Baqtyğaliqyzy. - Almaty: – 162 s. 2022. [in Kazakh].

[9] M. Şhoqai. Türkıstannyñ qily tarihy. Almaty: Jalyn, 1992. –120-121 b.[in Kazakh].

[10] Mañğystau oblystyq memlekettik mūrağaty. № 475 qor. 1 tızımdeme. 22- ısı. 19-21paraq. 22-24paraq. 26-27 paraq.(Qazaqstan Respublikasy Ortalyq Mūrağatynan alynğan Mañğystau tarihy turaly qújattar. 1900 -1911j.j.) [in Kazakh].

[11] Mañğystau oblystyq memlekettik mūrağaty. № 475 qor. 1 tızımdeme. 18- ısı. 15-16 paraq. (Mañğyşlaqtyñ tabiğı bailyqtary turaly (özen-kölderi, ösimdigi), prof.N.İ. Andrusovtyñ geologialyq zertteuleri boıynsha esebı, halqy, mektepter, meşıtter turaly qújattar. 1907-1910j.j.) [in Kazakh].

[12] Z. İjanov. Mangyşlak 1847-1920g.g. sbornik arhivnyh dokumentov [“Mangyşlak 1847–1920: A Collection of Archival Documents”] / Z. İjanov -2 zdanie. Almaty: Ölke. 2016. [in Russian].

[13] «Mañğystau» ensiklopediasy. – Almaty: 2008. «Qazaq ensiklopediasy» – 632b. [in Kazakh].

[14] Aqtau q. ölketanuşy, mūrağatşy, mesenat A. Yedilkhanmen sūhbat. Interview with E. Alqajan, a local historian, archivist, and patron from the city of Aktau, 2024. [in Kazakh].

[15] Aqtau q. t.ğ.k. O.D. Tabyldievamen sūhbat. Interview with O.D. Tabyldiev, Associate Professor and Candidate of Historical Sciences, from the city of Aktau, 2024. [in Kazakh].

Ережепова Р.Г., Тулешова Ш.А., Отесова Г.Е.

XIX–XX Ғ.Ғ. МАҢҒЫСТАУ ТҮБЕГІНДЕГІ ДІНИ АҒАРТУ ЖӘНЕ БІЛІМ БЕРУ

Аңдатпа. Мақалада XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың басындағы Маңғыстау түбегіндегі діни білім беру жағдайы Ресей империясының отарлық саясаты контекстінде қарастырылады.

Зерттеуде өңірде қалыптасқан дәстүрлі мұсылмандық білім беру жүйесіне, сондай-ақ империялық білім беру саясаты аясында ашылған орыс-түзем мектептерінің қызметіне ерекше назар аударылады.

Мақалада қазақ жеріндегі исламдық білім беруді шектеу және бақылауға бағытталған патша үкіметінің әкімшілік шаралары талданады. Негізгі дереккөз ретінде Закаспий облысы кеңсесінің мұрағат құжаттары пайдаланылып, діни саладағы мемлекеттік бақылау тәжірибесі көрсетіледі.

Сонымен қатар Түркістан және Орынбор генерал-губернаторлықтарындағы, сондай-ақ Ішкі Ордадағы XIX ғасырдың 80-жылдарындағы антиисламдық саясат шаралары Закаспий өңіріндегі үдерістермен салыстыра отырып қарастырылады. Нәтижесінде уездер мен болыстар бойынша мешіт-медреселердегі және орыс-түзем, сондай-ақ еврей мектептеріндегі оқушылардың саны, құрамы мен жағдайы туралы статистикалық деректер ұсынылады.

Мақалада Маңғыстау өңіріндегі қажылық (хаж) мәселесі де діни тәжірибенің бір бөлігі ретінде қарастырылып, оның әкімшілік бақылауда болғаны айқындалады.

Зерттеу материалдары Ресей империясының қазақ жеріндегі діни өмірді реттеу және шектеуге бағытталған жүйелі саясатын көрсетеді.

Кілт сөздер: Маңғыстау түбегі; мешіттер мен медреселер; мұсылмандық білім беру; орыс-түзем мектептері; ислам; қажылық (хадж); Ресей империясының отарлық саясаты; діни бақылау; Закаспий генерал-губернаторлығы.

Yerezhepova R.G., Tuleshova Sh.A., Utesova G.E.

RELIGIOUS ENLIGHTENMENT AND EDUCATION ON THE MANGYSTAU PENINSULA IN THE 19TH–20TH CENTURIES

Annotation. The article examines the state of religious education on the Mangystau Peninsula within the framework of the policy of the Russian Empire at the end of the 19th and early 20th centuries. The main attention is paid to the long-standing traditional system of religious education in the region and the activities of Russian reform schools, opened in connection with the policy of Russian colonialism.

The article analyzes the measures of the tsarist authorities aimed at limiting and controlling Islam in the Kazakh lands, based on evidence from excerpts from archival documents, in particular from letters from the Transcaspian Regional Administration. Also, in this connection, the actions of the Russian Empire in Turkestan, the Orenburg province and the Inner Horde in the 80s of the XIX century, related to the anti-Islamic position of the Russian Empire, as well as activities related to religious education in the Transcaspian region, are considered.

As a result, the article will be based on statistical information on the number, condition and composition of students of mosques-madrasahs and Jewish schools of the Russian regime, which appeared on the Mangistau Peninsula at the end of the 19th century by district. As a result, the article will be based on statistical information on the number, condition and student composition of mosques-madrasahs and Jewish schools of the Soviet regime, which appeared on the Mangystau Peninsula at the end of the 19th century, by district and by Bolsheviks.

In addition, the issue of pilgrimage in the Mangystau region, related to religious education, will be considered on this topic. All the data presented in the article clearly demonstrate the steps taken by the tsarist government to establish restrictions and control over religious issues on the Kazakh land.

Keywords: Mangistau peninsula; mosque-madrasah; schools; religious education; Islam; pilgrimage; religious restrictions; Tsarist colonial policy; Transcaspian General-Governorship;

Подписи к рисункам:

Рисунок 1 — Делопроизводственный документ канцелярии начальника Закаспийской области. 1894 г.